

с. 2

СЛУЧАЙНЫЕ ЗАМЕТКИ

А.П. Чехов — бесспорно большой талант, и однако каждое новое его произведение невольно заставляет радоваться, что он — мало-плодовитый писатель. Мало того, чем талантливее мне кажется произведение г. Чехова, тем сильнее оно действует на меня и нравится мне — тем больше я радуюсь, тому, что он — редкий гость в нашей журналистике. Почему? спросит читатель. Да потому просто что г. Чехов до известной степени и в известном смысле — тоже "жестокый талант", как и покойный Достоевский.

1607-17
маш-кон

Я далек от мысли сравнивать нашего талантливого беллетриста с гениальным психологом, но я хочу только указать, что при чтении последних произведений г. Чехова испытываешь приблизительно такие же мучительные чувства, как и при чтении Достоевского; он так же угнетает вас, так же терзает ваши нервы, повергает в тоску, в уныние. И страшно подумать даже, в какое состояние г. Чехов привел бы нервных и впечатлительных читателей — пиши он так же много, как другие наши беллетристы — как г. Лотапенко, например — и, что впрочем само собой разумеется, так же хорошо, как теперь.

Я не знаю, как на других, но на меня последний рассказ г. Чехова — "Человек в футляре", с которым наши читатели уже знакомы, — произвел страшно сильное и в то же время страшно гнетущее впечатление. Неуступая в художественном

отношении ни одному из произведений г. Чехова — рассказ этот имеет еще то преимущество пред другими его рассказами, что на этот раз, в виду картины, нарисованной автором, его обычное уныние, его тоска и пессимизм должны быть признаны основательными. При чтении "Человека в футляре", прислушиваясь к страшно-унылой ноте, звучащей на протяжении всего рассказа, вы уже не можете, как при чтении других рассказов его, утешать себя мыслью, что эта нота — результат грустных индивидуальных особенностей автора, — вы сознаете и чувствуете, что "Человек в футляре" мог быть написан человеком с вполне здоровой духовной организацией, на строение которого ничего болезненного в себе не заключает. Если бы о г. Чехове пришлось судить на основании одного лишь последнего произведения, то можно было бы сказать только, что автор его — человек с чуткой совестью, исповедующий благородные идеалы, но в то же время сознающий, что эти идеалы не могут быть проведены в жизнь "по щучьему велению", можно было бы сказать еще, что он наделен значительной дозой скептицизма, пожалуй, слишком значительной, и что он далек от всяких кисло-сладких оптимистических сентиментов в духе Панглоса или нашего Манилова. Словом, перед вами был бы человек, имеющий по своим воззрениям много общего с Щедриным, например. Покойный сатирик не верил "в бескровное преуспевание", в бескровное "торжество добра и правды над злом и безумием" — не верит в это и автор "Человека в футляре". Для великого сатирика были ненавистны рабские натуры,

одержимые вечным "испугом", живущие по "циркулярам и распоряжениям" – в этих же "футлярных" натурах, одержимых мыслью, "как бы чего не вышло" и автор названного рассказа видит главное зло нашей жизни. Автор "Мудрого Пискаря" в силу своего скептицизма не предвидит конца "этому мыслительному плену" – вслед за ним и г. Чехов не верит, чтоб "человеки в футляре" скоро перевелись у нас. "Сколько их еще будет – этих людей в футляре" – тоскливо вздыхает он в конце своего рассказа.

Я не случайно назвал сейчас Щедрина автором "Мудрого Пискаря", я хотел этим сказать, что "Пискарь" и "Человек в футляре" – один и тот же тип или разновидность одного и того же типа, выросшего на почве одинаковых условий. И мне кажется, что на рассказ г. Чехова должно смотреть с той же точки зрения, как и на сказку Щедрина, – тогда этот рассказ приобретает крупное значение. Мне кажется далее, что как это было мною указано в другом месте, г. Чехов мог бы поставить эпиграфом к своему рассказу следующие строки из "Мелочей жизни" великого сатирика "Скучно и тяжело смотреть, как умы вместо того, чтобы питаться здоровой пищей, постепенно заполняются испугом. Испуг до того въелся в нас, что мы даже не сознаем его. Это уж не явление, приходящее извне, а вторая природа. Мы перечитываем всевозможные загадочности и безусловно верим, что таинственная их сила управляет миром, и что судьбы исто-

рии всецело отданы им во власть. Но еще мучительнее думать, что этому мыслительному плену не предвидится конца, потому что и подрастающее поколение, прислушиваясь к непрерывному голошению старших незаметно заражается им. Простую мелочь, которая исчезла бы от одного дуновения здорового освежающего воздуха, мы сумели превратить в мелочь изнуряющую"...

См.,
ссылка
в аннотации
к тексту

Примените эти горькие слова к рассказу г. Чехова, и вы поймете тогда, что "человек в футляре" вовсе не психопатологический характер — как думает один из критики, что каждый из нас в большей или меньшей степени является тоже футлярным человеком, и что наконец жена старосты Мавра, — вечно со страхом сидящая за печкой и только по ночам выходящая на улицу — и учитель Беликов, вечно боящийся "ах, как-бы чего не вышло" — одного поля ягоды, продукт одинаковых условий, действующих и в деревне и в городе.

С. Д-ин
<С. Двинин>